

Н. Беляев

**Жизнь Замечательных
Людей. Гаршин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н. Беляев**
Жизнь Замечательных Людей. Гаршин / Н. Беляев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 182 с.

ISBN 978-5-458-63776-3

Всеволод Михайлович Гаршин, любимый писатель русской интеллигенции восьмидесятых годов, — одна из самых трагических фигур эпохи безвременья, черной эпохи всемогущего ханжи и мракобеса Победоносцева и его венценосного покровителя, тупого жандарма Александра III. Гаршин — автор всего лишь нескольких новелл, его «собрание сочинений» укладывается в одну небольшую книжку, и все же Гаршин прочно вошел в историю русской литературы как писатель огромной художественной силы и обаяния, как один из властителей дум целого поколения русски интеллигенции восьмидесятых годов. Чем же близок и почему интересен Гаршин советскому читателю? Почему этот писатель, в произведениях которого столько грусти и пронизывающей тоски, вызывает интерес у жизнерадостных и целеустремленных советских людей?

ISBN 978-5-458-63776-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Всеволод Михайлович Гаршин, любимый писатель русской интеллигенции восьмидесятых годов, — одна из самых трагических фигур эпохи безвременья, черной эпохи всемогущего ханжи и мракобеса Победоносцева и его венценосного покровителя, тупого жандарма Александра III.

Гаршин — автор всего лишь нескольких новелл, его «собрание сочинений» укладывается в одну небольшую книжку, и все же Гаршин прочно вошел в историю русской литературы как писатель огромной художественной силы и обаяния, как один из властителей дум целого поколения русской интеллигенции восьмидесятых годов.

Чем же близок и почему интересен Гаршин советскому читателю? Почему этот писатель, в произведениях которого столько грусти и пронизывающей тоски, вызывает интерес у жизнерадостных и целеустремленных советских людей?

Советский народ не отказывается от своего прошлого. Его счастливое сегодня завоевано трудной и упорной борьбой многих поколений. В этой борьбе были ошибки и поражения, были даже периоды отчаяния и безнадежности, но в ней героически преодолевались неимоверные трудности, лежавшие на пути народа к его расцвету, в ней закалялись его передовые борцы, в ней выковывались лучшие качества

народа: любовь к родине, мужество, целеустремленность, сплоченность, деловитость и революционный размах. Вот почему мы, современники сталинской эпохи, с любовью и глубоким уважением изучаем историю своего народа, историю жизни тех благородных его представителей, кто на заре рабочего движения страстно и упорно искал выхода из мрачного царства насилия и угнетения в светлое царство свободы.

Алексей Максимович Горький рекомендовал советской молодежи познакомиться с историей молодого человека XIX столетия. Он указывал, что судьба молодого человека занимала крупнейших литераторов Западной Европы и России в течение полутора столетий и что жизнь его служила основной темой литературы XIX века.

Биография писателя Гаршина—это, по существу, история молодого человека XIX века, полного сил и энергии, полного стремления бороться со злом мира, но обреченного на гибель в удушливой атмосфере эпохи безвременья.

Было бы грубой ошибкой сводить трагедию жизни Гаршина к истории душевной болезни писателя, объяснять ее «медицински», как это пытались делать «благонамеренные» критики из лагеря либеральной буржуазии.

Алексей Максимович Горький писал: «Русская интеллигенция росла и развивалась в условиях совершенно зверских, — это неоспоримо. Европейская буржуазия не угнетала, не оскорбляла своих интеллигентов так гнусно и грубо, как самодержавная власть Романовых и полудикий русский буржуа. Русская интеллигенция имеет право гордиться обилием и разнообразием своих талантов, она может сказать, что была самой свободомыслящей силой XIX века».

Творчество Гаршина относится к тем тяжелым годам русской истории, когда, поработенный самодержавием, народ страдал особенно тяжело, когда крах «Народной воли» обнаружился с полной очевидностью, а великую роль русского рабочего класса как будущего освободителя всего народа правильно оценивали лишь небольшие группы ре-

волюционеров-марксистов. Именно в эту эпоху Гаршин стал любимейшим писателем передовой русской интеллигенции.

Поэт восьмидесятых годов, друг Гаршина, Надсон в грустных и гневных строках писал:

Наше поколение юности не знает,
Юность стала сказкой миновавших лет;
Рано в наши годы дума отравляет
Первых сил размах и первых чувств расцвет.
Кто из нас любил, весь мир позабывая?
Кто не отрекался от своих богов?
Кто не падал духом, рабски унывая,
Не бросал щита перед лицом врагов?
Чуть не с колыбели сердцем мы дряхлеем.
Нас томит безверье, нас грызет тоска...
Даже пожелать мы страстно не умеем,
Даже ненавидим мы исподтишка!

Гаршин, надломленный болезнью, видел торжество тупой реакции, видел, как значительная часть еще недавно революционно настроенной интеллигенции переходит в лагерь обывателей, «мельчает», пытается оправдаться теорией «малых дел». И со всей силой своего художественного мастерства Гаршин обрушивается на этих ренегатов, создав, как бы в противовес им, образ благородного безумца, мечтающего сорвать и уничтожить символический цветок, впитавший все зло мира, и пожертвовать для этого своей жизнью.

В своих небольших рассказах Гаршин дал незабываемые картины хищничества буржуазии и страданий рабочих. Он дал правдивую картину захватнической войны и показал тяжелую жизнь русского солдата. Гаршин олицетворял благородную человеческую совесть, возмущенную несправедливостью строя насилия и угнетения. Его творения потрясали умы; они вызывали ненависть к деспотическому режиму самодержавия и этим способствовали росту поколения, которое доказало, что умеет не только ненавидеть и содрогаться от созерцания зла, но и по-настоящему с ним бороться и в этой борьбе побеждать.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Зима в тот год была суровая и печальная. По всей стране стоустая молва разносила слухи о тяжелых поражениях русской армии под Севастополем, о грандиозных хищениях военных поставщиков и казнокрадстве, принявших поистине неслыханные размеры.

Севастопольское поражение обсуждалось повсюду. Режим Николая I обнажил перед всем миром всю свою гниль, всю беспомощность отсталой крепостнической страны в столкновении с экономически передовым буржуазным Западом.

В маленьком городке Екатеринославской губернии, в семье офицера квартировавшего здесь кирасирского Глуховского полка Михаила Егоровича Гаршина так же, как и по всей стране, вечерами велись оживленные споры о политике. Однако сам Михаил Егорович был больше озабочен своими семейными делами. Офицерское жалованье — маленькое, доходы с небольшого имения — ничтожные, а семья все увеличивается... В эту зиму ждали нового прибавления — третьего ребенка.

В январе Гаршин отправил жену в имение тещи — «Приятная долина», в Бахмутский уезд, и там 2 февраля 1855 года мать впервые прижала к своей груди сына Всеволода.

О предках Гаршина известно немного. По семейному преданию, родоначальником рода Гаршиных был мурза Гарша,

вышедший при Иоанне Грозном из Золотой орды и крестившийся. Ему и его потомкам были даны земли в Воронежской губернии.

Дед писателя, Егор Архипович Гаршин, был жестоким и властным помещиком. Он беспощадно порол своих крепостных, насиловал дворовых девок и обливал кипятком фруктовые деревья у своих соседей. Самодур и сутяга, он всю жизнь вздорил с соседями, растратил на тяжбы свое довольно значительное состояние, и отцу Гаршина, одному из двенадцати детей, досталось лишь маленькое имение и семьдесят душ крестьян.

Отец писателя, в отличие от деда, слыл мягким, даже добродушным человеком. Он получил неплохое образование: окончил московскую гимназию и учился два года на юридическом факультете Московского университета. Не в пример большинству офицеров, он нарушал традиции, усвоенные в армии Николая Палкина, — не бил солдат и не подвергал их оскорблениям.

Кирасирский полк кочевал с места на место. Офицеры, по обычаю, наносили визиты соседям-помещикам и приглашали их к себе на полковые вечера. Одно время полк квартировал в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. В числе бахмутских помещиков был отставной морской офицер Акимов.

Про Акимова рассказывали странные для того времени вещи. Он не избивал крестьян, не обирал их, а в тяжелый 1843 год, когда голодный тиф и цынга косили население, заложил свое имение, занял денег и привез из плодородных губерний большое количество хлеба, которое и роздал голодающим мужикам.

Местные помещики сторонились Акимова. Одни считали его опасным вольнодумцем, другие — просто сумасшедшим.

Молодой офицер Гаршин часто навещал старика Акимова. Ему нравилась старшая его дочь, Катя, миловидная,

смышленная и по тогдашним временам образованная девушка. В 1847 году Екатерина Степановна стала его женой.

Жизнь семьи Гаршиных проходила в скитаниях с полком из одного провинциального городка в другой. «Как сквозь сон помню,— пишет Всеволод Гаршин в своих записках,— полковую обстановку, огромных рыжих коней и огромных людей в латах, белых с голубым колетах и волосатых касках».

В 1858 году отец писателя получил наследство от деда и вышел в отставку. Он купил в маленьком городке Старобельске, в двенадцати верстах от своего имения, домик, где и поселился вместе с семьей.

Самые ранние детские воспоминания писателя связаны с войной, офицерами и военными рассказами, главным образом о недавно закончившейся Севастопольской кампании. В доме отца, отставного военного, постоянно гостили офицеры кавалерийских полков, которые, часто сменяясь, квартировали в городе.

Больше всего Всеволод любил слушать жившего в доме слугу — отставного солдата. Мальчик способен был часами, не уставая, внимать историям о боевых походах, об отважных подвигах, где правда смешивалась с красочным вымыслом.

Постепенно в детском мозгу сложилась мысль, что непременно надо идти на военную службу — «защитить отечество». Мальчик заказал кухарке специальные пирожки на дорогу, связал в узелок немного белья и предстал перед родителями, чтобы попрощаться с ними.

— Прощайте, мама, — грустно произнес Всеволод, — я иду в солдаты. Что ж делать, все должны служить.

— Но ты подожди, пока вырастешь, — отвечала мать, еле сдерживая улыбку. — Ты ведь еще маленький.

— Нет, мама, я должен, — серьезно отвечал мальчик, и его большие красивые глаза от волнения наполнились слезами.

Но самый тяжелый момент наступил, когда Всеволод

В. М. Гаршин (справа в клетчатой блузе) с матерью, братом Евгением и двумя учениками Е. С. Гаушиной в Сольцах в 1867 г.
(С фотографии из собрания В. М. Гаршина).

стал прощаться с няней. Простая женщина под впечатлением серьезности, с какой Всеволод прощался, вдруг стала голосить и оплакивать его, как настоящего новобранца. Причитания няни окончательно расстроили мальчика, и он тоже залился слезами.

Наконец, вняв общим уговорам, Всеволод согласился отложить поход на завтра. А утром он уже забыл о своих намерениях.

Через две недели вся история началась сначала, и мать Всеволода вынуждена была строго-настрого запретить прислуге поддерживать в ребенке столь «геройский» дух.

В детстве Гаршин был на редкость красивым мальчиком, с огромными карими глазами, оттененными длинными шелковистыми ресницами. Красота ребенка была такой яркой, что вызывала восторг у окружающих. Психика его уже тогда отличалась необычайной утонченностью и впечатлительностью.

Ему было около пяти лет, когда на него свалилось большое горе, смысл которого Всеволод тогда не мог как следует понять, хотя переживал его глубоко и болезненно.

В семье Гаршиных произошли события, которые для детского сердца оказались трагичными.

Представим себе обстановку захолустного провинциального русского городка середины прошлого столетия. Гнетущий своим однообразием быт небогатой помещичьей семьи, скука, грубость, пьянство, картежная игра, сплетни... И вот в этой среде появляется молодой домашний учитель П. Завадский, участник харьковского революционного кружка Бекмана и Муравского.

Горячие речи молодого человека, обаяние революционера, весь его облик, столь отличный от окружающих тупых и скучных людей, произвели огромное впечатление на мать Всеволода. Екатерина Степановна полюбила молодого учителя. Чувство захватило ее настолько сильно, что она решилась бежать с возлюбленным из дома.

Нетрудно представить себе, какое тяжелое впечатление произвел на нежную душу Всеволода неожиданный уход матери, которую он очень любил.

Бегство замужней женщины с учителем вызвало шумный скандал в местном помещичьем обществе. Отец Гаршина пришел в неопишемую ярость и написал харьковскому жандармскому управлению о бегстве его жены с политически неблагонадежным человеком.

Заявление Гаршина послужило основанием для обыска у учителя Завадского и дало возможность полиции обнаружить и арестовать весь революционный кружок. Завадский был заключен в Петропавловскую крепость и через пять месяцев выслан в Олонецкую губернию. Мать Гаршина также несколько раз подвергалась обыскам и долгое время находилась как политически неблагонадежная под надзором полиции.

«Некоторые сцены, — пишет Гаршин в своих воспоминаниях об этом периоде его жизни, — оставили во мне неизгладимое воспоминание и, быть может, следы на характере. Преобладающее на моей физиономии печальное выражение, вероятно, получило свое начало в эту эпоху».

Пятый год жизни Гаршина был очень бурным. Мальчика возили из Старобельска в Харьков, из Харькова в Одессу, оттуда назад в Харьков и Старобельск — на почтовых зимой, летом и осенью.

Старшие братья Гаршина уехали в Петербург с матерью, Всеволод же остался с отцом в деревне.

Маленький Гаршин с увлечением отдался чтению книг. За три года жизни с отцом, кроме детских книг, из которых Гаршин особенно полюбил «Мир божий» Разина, он перечитал все, что попадалось ему в «Современнике», «Времени» и других журналах за несколько лет.

В семь лет он прочел «Собор Парижской богородицы» Гюго, «Что делать» Чернышевского, «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу. Мальчик полюбил Пушкина, Гоголя, Жуков-

ского и Лермонтова. «Героя нашего времени» он, правда, еще не понимал, но над судьбой Бэлы горько плакал.

В автобиографическом рассказе «Ночь» Гаршин, описывая детство героя, так изображает своего отца:

«Он был несчастный человек, твой отец, и любил тебя больше всего на свете. Помнишь, как вы сидели вдвоем в долгие зимние вечера, он за счетами, ты — за книжкой? Сальная свеча горела красным пламенем, понемногу тускнела, пока ты, вооружась щипцами, не снимал с нее нагар. Это было твоей обязанностью, и ты так важно исправляла ее, что отец всякий раз поднимал глаза с большой «хозяйственной» книги и со своей обычной печальной и ласковой улыбкой посматривал на тебя. Ваши глаза встречались.

— Я, папа, вот уже сколько прочитал, — говорил ты и показывал прочитанные страницы, зажав их пальцами.

— Читай, читай, дружок! — одобрял отец и снова погружался в счеты.

Он позволял тебе читать все, потому что только доброе осядет в душе милого мальчика, и ты читал, и читал, ничего не понимая в рассуждениях, и ярко, хотя по-своему, по-детски, воспринимал образы...»

Отец учил Всеволода арифметике и религии. Рассказывая как-то о Христе, он упомянул о евангельском завете: «и кто ударил тебя в правую щеку, обрати ему и другую». В этом месте ребенок перебил отца: «Папа, помнишь, дядя Дмитрий Иванович ударил мужика Фому в лицо, а Фома стоит. Тогда дядя Дмитрий Иванович его с другой стороны ударил. Фома все стоит. Мне его стало жалко, и я заплакал».

Так христианское учение и евангельские заветы ассоциировались в детском уме с варварским бытом помещичьего мордобоя.

В 1863 году, когда Всеволоду исполнилось восемь лет, мать увезла его в Петербург. От Старобельска до Москвы Всеволод ехал на перекладных, а от Москвы, впервые в